

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Идеи обороны берегов перед мировой войной.

С потерей главных сил Балтийского флота в Русско-Японскую войну положение России на всех морях стало критическим. После крушения широких империалистических планов, связанных с этой войной, Россия была поставлена в роль второстепенной морской державы, не располагавшей достаточными средствами, чтобы обеспечить безопасность собственных морских границ.

Балтийское побережье было открыто для вторжения неприятеля. Те несколько боевых единиц, которые уцелели от участи своих собратьев, погибших в Порт-Артуре и Цусиме, были слишком слабы, чтобы защитить его от Германии, проблема вооруженного столкновения с которой вполне определилась в первые же годы по заключении мира с Японией.

Дальний Восток был совершенно обнажен.

Черное море, хотя и защищалось флотом, количественно сохранившим свой состав, но ввиду того, что главное внимание в течение ряда лет было направлено на усиление Балтийского флота и потребности первого систематически урезывались, Черноморский флот также не мог гарантировать успешного решения задачи прибрежной обороны.

Приморские крепости Балтийского и Черного морей, не будучи возобновляемы в течение ряда лет, явно устарели и все, включая Кронштадт и Севастополь, не были на уровне современных требований.

Перед русским правительством вновь стал вопрос о восстановлении морских сил и организации морской обороны государства.

Ни один из вопросов, относящихся к тому времени, ни в отношении восстановления флота и обороны берегов, ни в отношении других крупных мероприятий государственного масштаба не приходится рассматривать безотносительно к тому внутреннему политическому положению, какое сложилось в период после 1905 года. В результате реформ правитель-

ственного аппарата был введен новый фактор в дело управления государством, выразителем которого служила государственная дума—элемент общественного контроля деятельности правительства. С этих пор крупнейшие вопросы жизни государственной, в частности оборона и восстановление боевой мощи, не были делом только заинтересованных ведомств и верховной власти, но к нему были привлечены законодательные учреждения, влияние которых не могло быть обойдено.

Это было чрезвычайно важным и новым условием в деле воссоздания вооруженных сил в России. Морское и военное ведомства должны были согласовать свою работу с работой государственной думы, отчасти совета, и хотя последние не выражали волю народа в его целом, служа лишь представителями определенных классов государства, но с ними неизменно надо было считаться; их необходимо было убеждать для принятия того или иного решения, сопряженного с отпуском средств из государственного казначейства. Общественное мнение России находилось под впечатлением неудач последней войны. К военным вопросам оно подходило с чувством недоверия к аппарату ведомств; приведших к поражению на полях Манчжурии, в Порт-Артуре и Цусиме. Идя в общем и целом навстречу стремлению правительства восстановить вооруженные силы, оно требовало устранения дефектов, обнаруженных войной.

Мерилом для оценки целесообразности того или другого мероприятия служил опыт войны, степень же доверия к тому или другому ведомству, а тем более к тому или другому лицу, зависела от признания его причастности к поражению.

Ответственность за поражение являлась главным критерием не только во мнениях государственной думы, но и у более широких общественных кругов.

Однако, опыт войны лишь в редких случаях находит объективных истолкователей, в особенности в годы, когда впечатления переживаний, с нею связанных, не улеглись, когда участники войны еще не сошли со сцены и когда сами последствия неудачного исхода военных операций тягостно чувствовались во всем, и прежде всего в политическом внутреннем и международном положении России.

В описываемое время „опыт войны“ не имел общего и единообразного понимания и объективных выразителей тем более, что его толкование было неразрывно связано с признанием за тем или другим лицом, тем или другим ведомством ответственности за неудачи на войне.

Мы имели случай говорить о разрыве в работе военного и морского ведомств. Но если этот разрыв до сих пор происходил на почве чисто принципиальных расхождений между ними, то теперь, коль скоро стал вопрос о доверии и о том,

на кого ложится главная тяжесть ответственности, он получил новое углубление.

Сухопутные истолкователи опыта русско-японской войны видели главную причину неудачи в действиях флота, не сумевшего решить своей задачи, муслировали недостатки морского ведомства, стремясь Цусимой закрыть позор Мукдена. Зияющие пробелы флота были „притчей во языцах“, за которыми многие не видели дефектов, присущих армии и, главным образом, ее командованию.

Моряки не были склонны приписывать только себе поражение и отчетливо видели в армии те же недостатки, которые военное ведомство видело во флоте.

Со своим критерием в оценке событий, в оценке деятельности военного и морского ведомств подходила русская общественность. Она менее всего была склонна выступать в роли арбитра между ведомствами, учитывая их разногласия, как показатель общей дезорганизации управления вооруженными силами страны.

Оборона берегов представляет собой операцию, в которой заинтересовано и военное и морское ведомство. Это как бы стык в их работе. Если в других вопросах их деятельность не имела точек непосредственного соприкосновения, если военное ведомство могло разрабатывать свои планы, не считаясь с планами флота, если отсутствие единого и согласованного плана подготовки государства к войне могло иметь место, хотя это являлось вопиющим фактом, то для обороны берегов должна была быть установлена общая точка зрения для обоих ведомств, хотя бы уже потому, что и армия и флот являлись одновременными факторами этой обороны.

Этот вопрос приобретал особенную остроту, так как при существовавших разногласиях притереть его было чрезвычайно трудно.

Вышеизложенные обстоятельства определили ненормальные, непредвещающие успеха для дела условия для разрешения вопроса о береговой обороне. Он не ставился так, как должен быть поставлен сообразно интересам государства и в предвидении неизбежности новой войны. Он не был введен в русло плана, содержащего в себе задания для всех родов вооруженных и участвующих в обороне сил, для их развития, подготовки, использования; плана, имеющего определенную цель, последовательного и систематического в разработке и выполнении. Искался либо компромисс, удовлетворяющий различные суждения, либо односторонний, сообразованный с интересами того или другого ведомства, вариант решения, но не плановое мероприятие, отвечающее как требованиям военной науки, так и только что пережитому тяжелому боевому опыту.

**Точка зрения
военно-сухо-
путного ведом-
ства.**

Среди многих точек зрения, высказывавшихся в отношении береговой обороны, предлагаемых и проводимых в жизнь проектов ее, мы отметим некоторые, имевшие фактическое влияние на движение вопроса, который в течение почти всего времени до мировой войны находился в неустойчивом состоянии и только за год или два до нее принял наконец определенное решение, хотя незаконченное в своем осуществлении.

Прежде всего—точка зрения военного ведомства, которая устами Совета Государственной обороны была так формулирована:

„Принципы береговой обороны должны быть разработаны вполне самостоятельно, вне зависимости от организации боевого флота, ввиду совершенно различных условий их боевой деятельности“. (Из журнала Сов. Гос. Обор., дело Морискома № 1355).

Но было бы ошибкой думать, что Совет Государственной обороны этим имел в виду установить, что организация береговой обороны должна освободить флот от задач, привязывающих его к берегу, дать ему простор для боевых операций в открытом море. Всей своей деятельностью, за все время существования, Совет Государственной обороны опровергает такое предположение: его неустанной заботой было всячески препятствовать созданию активного флота. Программы такового, как только попадали в Совет, неизменно задерживались, а обычно, встречая ряд возражений, попросту не получали хода. Восстановление флота могло начаться только тогда, когда Совет Государственной обороны был упразднен.

Здесь другая мысль: полное игнорирование флота и его значения. Это был односторонне понятый опыт Крымской и Русско-Японской войн, в которых флот, действительно, не мог защитить берегов, вследствие слабости сил и дефектов командования, но не потому, что эта задача была вне его возможностей. Перенесение центра тяжести на оборону сухопутной армии, не возлагая надежд на флот, и сосредоточение всей организации в руках армии—таков был лозунг Совета Государственной обороны.

Вышеприведенный „принцип“ береговой обороны свидетельствовал о пагубном стремлении отмежеваться от флота, провести междуведомственную демаркационную линию в этой операции, где теснейшая совместная деятельность армии и флота является условием необходимости.

В основе лежало стремление охранить берега при помощи армии, ее маневров к угрожаемому пункту.

Непонятно однако, как могло сухопутное командование, имея в виду борьбу на западном фронте, спокойно относиться

к предстоящей необходимости, основывая оборону на маневре армии, уделить для этого большое количество войск (а иным оно не могло быть при протяженности побережья), несомненно, в зачет ослабления сосредоточения на западной границе.

Операция обороны, согласно точке зрения военного ведомства, не охватывала перенесения войны в открытое море, будучи сведена к местной обороне отдельных пунктов, что в особую плоскость ставило вопрос об оборудовании побережья, в частности вопрос о приморских крепостях.

На этот счет установилась тенденция: ограничиться минимальным числом крепостей, упразднив все другие, не имеющие крупного стратегического значения. Практически—восстановить только Кронштадт, Свеаборг и Владивосток, а прочие крепости либо вовсе упразднить, либо оставить доживать свой век без возобновления. В числе последних намечались: Свеаборг, Либава, Усть-Двинск, Очаков, Керчь, Батум, т.е. пункты, имевшие, в особенности Свеаборг, значение для операций флота (Свеаборг явился главной маневренной базой во время войны), для армии же являвшиеся второстепенными. Такое решение ни в какой мере не было согласовано с флотом, ибо слабость нашего флота требовала, тем в большей степени, опоры со стороны берегового крепостного оборудования, и именно последнее должно было компенсировать его слабость в борьбе на море с сильнейшим врагом.

Решение ограничиться только основными крепостями—в Севастополе и Кронштадте—фактически сводило к ничтожным возможностям операции флота, в особенности Балтийского.

Для последнего вновь готовилась участь стать средством обороны крепости (Кронштадтского района).

Следует отметить при этом, что вопрос о приморских крепостях с самого начала своего пересмотра в Совете Государственной обороны не был поставлен в той плоскости, в какой, как то следовало бы ожидать, он должен быть прежде всего обсужден,—в плоскости планового развития всей системы обороны. Главное внимание сосредоточилось на вопросе о том, в чем ведении должны быть крепости, моряков или сухопутных. Кругом этого поднялась борьба и шли длительные споры с одной стороны, задерживающие осуществление необходимых мер, а с другой,—характеризующие пропасть противоречий, которая лежала между взглядами военного и морского ведомств.

Перед нами документ: „Доклад председателя особого совещания при Совете Государственной обороны по вопросу об объединении власти в приморских крепостях и разграничении прав и обязанностей сухопутных и морских начальников при совместных действиях по обороне берегов“ (изданный отдельной брошюрой в 1905 г. Архив Морискома, дело № 1355).

В протоколе № 11 помянутого совещания мы читаем: „при обсуждении вопросов, касающихся приморских крепостей, служащих базами флота, представители морского ведомства неоднократно высказывались о необходимости передачи флоту этих крепостей. Вопрос этот, представленный на обсуждение совещания, вызвал широкий обмен мнений, при чем какого-либо общего по сему соглашения установить не удалось. Все представители военного ведомства, подтверждая свои мнения рядом исторических и теоретических доказательств и обоснований, высказались, что таковая передача отнюдь не вызывается какими-либо требованиями и соображениями, и потому не должна быть произведена“. При этом были приведены мотивы спора между морскими и сухопутными членами совещания, которые мы для наглядности сводим в таблицу:

Доводы моряков.

1) Немногочисленные крепости, базы флота, крайне необходимы для него. Поэтому морское ведомство будет относиться к ним с полным и особым вниманием и заботой и не будет жалеть никаких средств на необходимое их усиление. У военного же ведомства те из береговых крепостей, которые служат исключительно морским целям и не имеют сухопутного значения, являются как бы пасынками и на них не желают расходовать необходимых средств.

2) Вооружение приморских крепостей несовременное, устарелое. С передачей морскому ведомству последнее получит возможность таковое усовершенствовать.

Доводы сухопутных.

1) Приморские крепости не менее других вызывают внимание со стороны военного ведомства... Почему же морскому ведомству не передавать полученных сумм в военное ведомство специально на усиление и усовершенствование приморских крепостей и баз?

2) Артиллерийское вооружение крепостей, хотя и является устарелым сравнительно с вооружением современных судов, но тем не менее, как доказал опыт Артура (?), оно может успешно вести борьбу с атакующим крепость неприятельским флотом. На дистанциях же, превышающих дальность огня крепостного вооружения, и стрельба флота по батареям оказывается мало действительной.

3) С передачей флоту—выигрывает стрельба приморских крепостей.

4) Флот должен быть в базе дома и нельзя допускать какого бы то ни было вмешательства со стороны военного ведомства в его повседневную жизнь.

3) „Можно помочь назначением моряков на сухопутные батареи“.

4) „История доказывает нам, что приморские крепости берутся всегда с сухого пути; значит, главный акт борьбы разыгрывается на сухопутных верках, боевой работой сухопутных сил и решается судьба крепости. Таким образом, сухопутные, а не морские силы, являются главным элементом обороны ее, главным оплотом ее.

Отсюда уже „а priori“ можно сказать, что обороноспособность, т. е. главная задача приморских крепостей, вряд ли выиграет от передачи их в морское ведомство, скорее наоборот“...

В приведенных выдержках доклада председателя „особого совещания при Совете Государственной обороны“ (генерала Протопопова) ясно видна глубокая рознь во взгляде на приморские крепости, хотя вопрос шел лишь об их подчинении и организации. Военное ведомство не учитывало значения крепостей, как „баз флота“, и доводы моряков, указывающие на хроническое пренебрежение приморскими крепостями, нам в особенности понятны после того, как мы ознакомились с обороной берегов в Крымскую и русско-японскую войну. Военное ведомство смотрело на эти крепости с точки зрения их сухопутной обороны, преобладания сухопутного элемента в их боевых действиях и по этому признаку строило свои суждения; морское же—рассматривало их, как известное обеспечение в общей стратегической задаче флота. Ироническое и даже презрительное отношение к доводам моряков „бьет в глаза“ в цитированном документе.

За этим чувствуется со стороны военного ведомства особенное отсутствие ясного представления о том, что оборона берегов представляет из себя целую и единую операцию. Наоборот, как видно из ознакомления с другими материалами означенного совещания, здесь ищутся формы, не столько обосновываемые принципиальными требованиями стратегии, сколько удовлетворяющие вождениям Совета Государственной обороны в смысле окончательного сведения обороны берегов к обороне пунктов на берегу.

Совет решил, что объединение совместных действий крепостей, армии и флота достигается главнокомандующим, которому они подчинены, а на месте—по признаку преобладания тех или других средств в районе.

„Должности командующего армией и командующего флотом равны... Поэтому, если сухопутной армии будут приданы какие-либо в.-м. силы, меньшие, чем флот, то общее начальствование должно быть сосредоточено в руках командующего армией... И наоборот“. (Журнал заседания особого совещания № 4).

Этим лицом, возглавлявшее операцию обороны берегов, ставилось в зависимость от, может быть, чисто случайного соотношения в данном крепостном районе морских или сухопутных сил.

В общем стремление военного ведомства сводилось:

1) К оставлению в своих руках приморских крепостей, признанию за ними значения, главным образом, пунктов местной обороны, как рубежей для сухопутной защиты побережья;

2) к отмежеванию от активного морского флота, к созданию рейдового „крепостного флота“, находящегося в подчинении коменданта крепости, являющегося дополнением сухопутных крепостных средств;

3) к получению в свое ведение службы берегового наблюдения, изъяв таковое из морского ведомства; к подчинению этих постов местным сухопутным начальникам, чем достигалась задача оповещения последних о приближении противника к берегу, но вырывалась у флота и дезорганизовалась постановка общей службы связи и наблюдения. Флот лишался своих глаз: между ним и его береговыми наблюдательными пунктами вводилась сухопутная инстанция¹.

Одним словом—полное пренебрежение флотом, как средством морской обороны берегов, было лейтмотивом сухопутного ведомства в подготовке и оборудовании средств для целей этой операции.

Лишь перед самой войной, в период 1912—13 г., произошла перемена взглядов, после энергичной борьбы со стороны морского ведомства.

Идеи обороны
берегов в мор-
ском ведом-
стве.

В первые годы после русско-японской войны, пока существовал Совет Государственной обороны, он нормировал течение вопроса об обороне берегов. Морское ведомство не было компетентно разрешить его самостоятельно. Лишь после того,

¹ Предполагалось даже маячную наблюдательную службу передать в сухопутное ведомство. Здесь было предположено расположить команды пограничной стражи, которые должны были предварительную подготовку получить в морских специальных школах.

как Совет Государственной обороны был упразднен, оно получило возможность отстаивать свои взгляды и проводить решения, сообразуясь с требованиями морской стратегии и наличными силами флота.

За это время в кругу моряков вопрос обороны дебатировался самым энергичным образом, и прошло несколько лет, пока, наконец, он вошел в свое русло.

Военно-сухопутное ведомство было право, констатируя в 1906 г., что „повидимому, вопрос организации береговой обороны совершенно не разработан морским ведомством“. Это было действительно так.

Морская проблема оценивалась с двух точек зрения: с точки зрения создания мощного флота открытого моря, который дал бы возможность продолжать империалистическую политику России, прерванную неудачной войной, и с точки зрения создания оборонительного флота, который был бы в состоянии обеспечить безопасность наших побережий. Эта последняя задача,—задача обороны побережья,—была по существу основной при суждениях о путях развития русского флота.

В силу причин, указанных выше, задача морской обороны средствами флота находила несколько вариантов решений, из коих каждый влек за собой определенную программу восстановления морских сил.

Первым вариантом решения вопроса был проект создания минной обороны, т.-е. миноносцами, подводными лодками и средствами минной позиционной войны (минами заграждения).

С тех пор, как появились миноносцы, способные поражать минами Уайтхеда большие корабли, идея создания специально „минного флота“ не сходит с очереди. Всегда были сторонники постройки этого „дешевого“ флота, которых прельщала возможность на стоимость одного большого корабля построить целую флотилию миноносцев (приблизительно стоимость 10—15 миноносцев равнялась стоимости одного большого корабля).

Создалась школа сторонников минного флота, школа, имевшая большую поддержку в общественных кругах, настаивавшая на создании минной обороны берегов. В частности, газета „Новое Время“ вела широкую агитацию за создание минного флота в лице фельетониста Меншикова, который считал и упорно доказывал, что целесообразен только минный флот, а прочее—чуть что не измена.

В самом флоте был глубокий раскол. Многие адмиралы и офицеры являлись проводниками этих идей, горячо споря против необходимости линейного судостроения для России.

Предусматривалось создание минных флотилий (число миноносцев для Балтийского флота более 200), которые при-

писывались к определенным районам побережья, где для них должны быть оборудованы маневренные базы. Все побережье Балтийского моря было разделено на участки, каждый участок представлял собой как бы самостоятельную единицу в обороне, обладающую, помимо указанной минной флотилии, и некоторыми средствами сухопутной обороны: батареями и гарнизоном частей, охраняющих участок. Таким образом, предполагалось разделить минные силы кордонно по всему побережью, при чем вся оборона носила местный характер.

Конечно, этот проект встречал широкую поддержку в сухопутных кругах. Это было так понятно и так близко к тем идеям, которые господствовали в том ведомстве. Встречал он поддержку и у государственной думы, видевшей здесь простое решение вопроса, не требовавшее многомиллионных ассигнований, каковые вызывались необходимостью создания линейных судов.

Наконец, явные успехи подводного плавания, вновь разработанные типы подводных лодок, которые в 1906—1908 г.г. уже вышли из стадии опытов и смело могли быть включены в категорию боевых судов, дали новое обоснование идеям минной обороны. К миноносцам должны были быть прибавлены в столь же больших количествах подводные лодки, и все же это было дешевле, чем флот открытого моря.

Но идеи минной обороны даже в тех условиях, каковые мыслились на Балтийском море, где, вообще говоря, местные особенности допускали более, чем где-либо, широкое использование миноносцев,—встречали веские возражения со стороны других групп, прежде всего со стороны морского генерального штаба. Сущность этих возражений сводилась к следующему:

1) Боевая деятельность миноносцев всецело зависит от обстановки. Противник может воспользоваться обстановкой, когда миноносцы не в состоянии успешно атаковать и могут быть сравнительно легко отражены противником. В частности днем, в весенние светлые северные ночи их атаки являлись проблематичными, и в этих условиях они не могут воспрепятствовать операции противника против берегов.

2) Разделение миноносцев по районам побережья вело к тому, что силы дробились, противник мог в каждом случае сломить их сопротивление.

3) Оставляется в стороне вопрос о действиях наступательных в море против неприятеля. Центр действий переносится к своим берегам, при чем врагу заведомо отдается инициатива.

4) Сомнение в мощности минных атак, на которую ссылались сторонники миноносцев.

В противовес минной обороне выдвигалась идея создания флота открытого моря, способного к выполнению всех видов

действий, не связанного с ограниченной местностью, способного вести наступательную войну. Идея активной обороны, проблема линейного флота. В основе ее лежало соображение о необходимости силы, способной противостоять противнику в открытом море, способной бороться за обладание этим последним, т.-е. располагать возможностью не только оборонять свое, но угрожать неприятельским берегам и силам, их защищающим.

Доводом за линейное судостроение являлось также стремление продолжать активную морскую политику России, собрать средства для решения проблемы проливов в Черном море, восстановить положение на Дальнем Востоке и располагать возможностью снова выступить на путь конкуренции на морях с Германией. Для этих широких задач минная оборона с ее местными средствами не могла дать решения.

Таким образом, помимо тактического значения тех или иных средств, с ними, как видно, связывались более широкие замыслы; спор о том, нужно ли строить специально минный оборонительный флот или же линейный, был в значительной мере спором о том, оставаться ли России второстепенной морской державой, думающей только о защите своих берегов, или же стремиться к достижению снова того значения, которое она утратила в русско-японскую войну, значения мировой морской державы.

Поэтому и отношение к нему в кругах общества и в законодательных учреждениях было различное. Идеи активного флота должны были встретить сочувствие в кругах, близких империалистическим тенденциям русской политики, идеи минного флота с исключительно оборонительными задачами находили себе сторонников либо в рядах „континентальных“ сухопутных кругов, чуждых морю и не оценивающих его значения, либо в рядах оппозиции, видевшей в этих стремлениях тенденции, уже приведшие нас к катастрофе в русско-японскую войну.

Вот почему этот спор доходил до столь большой остроты. Вот почему, пока не было принято решение в этом основном вопросе, проблема морской обороны берегов оставалась неустойчивой, без определенно сложившихся о ней мнений¹.

Период 1905—1909 годов являлся переходной эпохой споров и пререканий о морских проблемах России. Реально же дело воссоздания морских сил за это время не продвинулось.

Лишь в 1909 году были заложены первые русские дредноуты. С этого времени весь вопрос о морских вооружениях

¹ Следует упомянуть, что между этими двумя крайними точками зрения существовали и компромиссные, основывавшие решение задачи обороны на особых типах судов—легких крейсерах (тоже недорого стоящих), вооруженных одной-двумя пушками. Поднимался вопрос и о броненосцах береговой обороны и пр.

России стал на иные рельсы. В принципе было признано необходимым создать линейный флот. Совет Государственной обороны был упразднен и морскому ведомству развязаны руки. Государственная дума и русская общественность, до сих пор ставившие преграды для восстановления флота, должны были учитывать международную политическую обстановку, в которой уже веял призрак мировой войны. Россия к этому времени стала на определенный курс в области внешней политики—содружества с Англией.

Это создало иные предпосылки для всех вопросов, связанных с подготовкой к войне, в том числе и для вопроса обороны берегов.

С 1910 г. в основу последнего вопроса **Позиционная оборона.** ложится идея позиционной обороны.

К идее позиционной обороны подошли естественно, в порядке составления плана для борьбы с германским флотом, учитывая его возможное стремление высадить десант на побережье Финского залива.

С целью компенсировать неравенство сил, приходилось создать рубежи обороны, выдвинув таковые в море, сочетая здесь действия флота, береговых батарей и минно-позиционные средства. Таким путем явилось возможным установить преграды противнику в определенных, важных в стратегическом отношении, направлениях.

Это решение предусматривалось для ближайшего времени, пока русский флот не будет усилен настолько, чтобы соревноваться с противником за обладание открытым морем.

Оно требовало нового плана оборудования театра, а для Балтийского моря перенесения базы флота из Кронштадта в район Ревеля, где должны были быть построены новая крепость и новый порт.

Позиционная оборона Финского залива и северо-западной части Черного моря являлось основой для планов русских морских сил в начале мировой войны.

Оппозиция военного ведомства, так задержавшая развитие флота и организацию обороны берегов, теперь сменилась доброжелательным отношением к идеям морского генерального штаба. Однако, это признание было уже в значительной степени запоздалым, так как ни сооружение нового крепостного района в районе Ревель—Порккалауд, ни устройство порта-базы для Балтийского флота, ни, наконец, создание судового состава, ко времени начала мировой войны не успели осуществиться. Кроме того, содружество ведомств не шло достаточно глубоко. Морскому ведомству была передана постройка Ревеля (в 1912 году), прочие же крепости оставались в ведении военного министерства, которое продолжало свою прежнюю политику в отношении их: усиливало Кронштадт и Севастополь, другим же внимания совершенно не

уделяло, и они продолжали существовать в полуупраздненном виде.

Таким образом, ко времени мировой войны установилась определенная идея в морской обороне берегов. Фактически же оборона ни в отношении ее оборудования, ни в отношении состава сил, таковую обеспечивающих, создана не была. Ее приходилось строить уже во время войны. Исходное положение на морских театрах, как и в прошлые войны, оставалось неблагоприятным для России.

В основе отношений между военным и морским ведомством попрежнему лежала пропасть. Позиционная идея была примиряющим компромиссом, но вне ее работа и предположения ведомств не были согласованы между собой. Об этом свидетельствует опыт мировой войны России на морских театрах. Об этом же говорят документы, рисующие ее подготовку к войне (см. „Подготовка России в мировой войне на море“, „Заключение“).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Начало мировой войны и кампания 1914 года на Балтийском море.

А. Положение на Балтийском море и его оборона к началу мировой войны.

Значение Балтийского моря. Главным театром для России во время мировой войны был театр сухопутный на западной границе. Роль второстепенных театров, в том числе Балтийского моря, приходится оценивать прежде всего со стороны значения их для хода войны на сухопутном фронте.

С этой точки зрения Балтийское море имело значение:

- а) как путь для вторжения противника на русское побережье, в тыл армии, угрожая приморским областям и району столицы;
- б) как фланговый район по отношению к фронту развертывания;
- в) как путь для возможного вторжения со стороны моря на территорию противника;
- г) как морской путь для сообщений между прибрежными пунктами.

Россия обладала береговой чертой от Торнео до Полангена. Через это побережье открывался доступ с моря по различным направлениям, из коих каждое имело определенное стратегическое значение.

Направление на Ботническое побережье открывало путь в Финляндию и ставило под угрозу район столицы; военные действия здесь требовали бы образования нового фронта, в тылу развертывания русских армий на главном театре.

Направление на Финский залив угрожало столице непосредственно. С прорывом в Финский залив и с высадкой десанта на южное побережье—противник получал возможность

произвести удар как на столицу, так и в направлении Эстляндии, и далее по глубокому тылу нашей армии.

Направление на Рижский залив открывало противнику ближайший тыл армии, угрожало промышленному району Риги, давало возможность врезаться в глубину прифронтовой полосы.

Направление на Курляндское побережье грозило флангу фронта.

С другой стороны, воды Балтийского моря являлись путем и к германскому побережью, к которому тяготели крупные промышленные и жизненные интересы Германии. Вторжение на ее территорию и море угрожало ей неисчислимыми стратегическими последствиями и, прежде всего, могло нарушить устойчивость ее обоих фронтов: западного и восточного.

Отношение сил русского и германского флотов было подавляющим в пользу последнего.

Германия могла быть спокойна за свое побережье. Россия же, наоборот, по состоянию своего флота и средств береговой обороны не была гарантирована от этой угрозы.

Балтийское море, как морской путь для сообщений с Россией, особого значения не имело, так как выход в океан прерывался самым фактом войны с Германией, в руках которой была южная часть моря; сообщение же со Швецией могло проходить по сухопутному пути через Торнео.

Совершенно иной в этом отношении была роль Балтийского моря для Германии. Ее сообщение со Швецией являлось единственным свободным направлением, при условии круговой блокады, для сношений с морем. Нейтральная Швеция в течение всей войны была посредником по снабжению Германии продуктами заокеанского производства, поставщиком руды и продовольствия, в которых в Германии ощущался острый недостаток.

Тогда как для России торговые пути через Балтийское море особой роли не играли в ее питании, для Германии тот же вопрос получал цену первой необходимости.

Вышеуказанное значение Балтийского моря выдвигало перед Россией ряд задач, которые должны были быть разрешенными на этом театре.

Характер последних, с одной стороны, определялся общим положением на главном театре, а, с другой — соотношением сил, которыми располагали воюющие, и главным образом, сил морских, боевого флота.

Соотношение русского Балтийского и германского флотов к моменту начала войны видно на сл. таблице:

Балтийский флот и его задачи.

С у д а:	Русский Балтийский флот.	Германский флот.
Лин. корабли нового типа	0	17
„ „ стареющие	2	5
„ „ устаревшие	2	15
Линейные кр. нового типа	0	4
Стареющие бр. крейсера	1	3
Устаревшие „ „	0	4
Легкие крейсера новые	0	20
„ „ стареющие	7	7
„ „ устаревшие	2	2
Миноносцы нов. типа	1	0
„ „ истребители	56	123

Примечание. Показаны только корабли, имеющие боевое значение.

Разница между русским и германским флотом будет еще разительнее, если учесть, что русские суда принадлежали все (за исключением одного миноносца—„Новика“) к устарелым типам, боевая ценность которых была весьма невелика, сравнительно с таковой судов тех же классов, но новейшей постройки. Германский же флот насчитывал в своем составе большее число современных боевых единиц.

Но германский флот имел противником не только русский флот,—главным врагом его на море был английский флот; главным морским театром—театр Северного моря.

При надлежащей согласованности планов и действий России и Англии, при наличии с их стороны полного стремления к содружеству на море, это раскрывало бы широкие стратегические перспективы для действий союзных флотов в Балтийском. Но такового тесного сотрудничества и согласования планов не было. Английский флот был сосредоточен в Северном море, пределами которого ограничивалась деятельность его главных сил. Русские морские силы на Балтике были предоставлены самим себе.

Германскому флоту не была возбранена возможность сосредоточить на Балтийском театре то количество сил, которое необходимо, чтобы осуществить подавляющее превосходство. Действуя по внутренним операционным линиям, имея солидную крепостную береговую защиту, страхующую главные морские базы, германское командование в любой момент могло перебрасывать морские силы на Балтийское или Северное море, в зависимости от обстановки.

Русскому командованию в его предположениях всегда приходилось считаться с возможностью единоборства с германским флотом.

Слабость России на море в момент начала войны могла быть компенсирована впоследствии, по мере вступления в строй новых кораблей, которые война застигла на стапеле,

в стадии постройки. Уже к концу 1914 года можно было рассчитывать получить подкрепление в виде заканчивающейся бригады линейных кораблей типа „Севастополь“, которая более чем утраивала его линейные силы, а в последующие годы новые миноносцы и подводные лодки.

Однако, даже полное выполнение программы строящихся судов не могло дать русскому флоту столь крупного преимущества над врагом, чтобы бороться за обладание Балтийским морем и развить широкие наступательные операции.

Эта возможность с начала и до конца войны оставалась за Германией.

Из сказанного следует, что соотношение сил сторон ставило Балтийскому флоту задачи, главным образом, оборонительные, выражавшиеся в стремлении противостоять активным операциям германского флота.

Оборона побережья—вот что являлось главной задачей Балтийского флота.

Собственно, все его операции в мировую войну имели прежде всего этот смысл: оборона побережья была его конечною целью.

Однако, для наличных сил русского флота, задача эта не могла быть поставлена в полном масштабе. Как указано выше, Балтийское побережье России, при большой протяженности, открывало противнику несколько направлений, из коих каждое было сопряжено с той или иной степенью угрозы для общего положения на главном театре.

Лишь при широко оборудованном театре, как в отношении обеспечения безопасности базирования флота, так и крепостной береговой и морской минной защиты всех районов Балтийского побережья, флот мог выполнить эту задачу, сдерживая наступление противника в важнейших направлениях и препятствуя ему произвести десантные операции крупного масштаба.

Слабый состав сил русского флота и совершенно неудовлетворительное оборудование театра не позволяли ему, в обстановке начала войны, поставить задачи большие, нежели защита одного направления на Финский залив, к столице. Пределы его сопротивления при наступлении главных сил флота Германии, были ограничены.

Балтийскому флоту была поставлена задача: задержать противника, при намерении его форсировать Финский залив, на рубеже Ревель — Поркалауд на срок в две недели, каковой почитался необходимым для сосредоточения сухопутных войск для отражения десанта.

Этой задаче должно было отвечать оборудование театра приморскими укреплениями и крепостями, которые должны были дать флоту опору, а обороне—устойчивость.

Оборудование Балтийского театра, к моменту начала войны. Как выше было изложено, основной мыслью обороны Финского залива было создание в узкой части залива, между Ревелем и м. Порккалауд, минной позиции, защищенной с флангов береговыми укреплениями, обороняемой флотом, совместно с батареями (см. сх. № 9).

Создание центральной позиции являлось главным элементом оборудования Балтийского театра.

Требования, которые ставились ей условиями боя наличных морских сил Балтийского флота, сводились к следующему:

1) Крепостная оборона должна быть достаточно мощной, чтобы оказать поддержку слабым силам флота при борьбе его с много превосходящими силами противника.

2) Фланги позиции должны быть защищены с сухого пути от взятия открытой силой.

3) Минные заграждения должны быть соответственной силы и глубины.

4) Флоту должна быть обеспечена возможность безопасного базирования в районе позиции.

Центральная позиция между о-вом Нарген и п-вом Порккалауд, входившая в состав намеченного к постройке Ревельского укрепленного района, должна была быть сооруженной по следующим первоначальным заданиям, выработанным в результате совместных совещаний военного и морского ведомств:

1) Ревельский укрепленный район должен содействовать нашей эскадре, маневрирующей в районе Ревель—Порккалауд, в ее задаче—воспрепятствовать прорыву противника вглубь Финского залива.

2) Укрепленный район должен состоять из 2 участков: а) Ревельского и б) Порккалаудского.

3) Укрепления Ревеля должны: защищать с моря от бомбардирования, взятия открытой силой и внезапных нападений на базу эскадры на о-ве Карлос (на Ревельском рейде); обеспечить флоту свободный выход из порта и возможность развертывания перед боем; частью береговых батарей допускать обстрел, хотя бы дальним огнем, Балтийского Порта.

4) Укрепления у Порккалауда, дополняя собой назначение Ревельского участка, в отдельности должны:

а) прикрывать расположенные к востоку от меридиана Порккалауда базы минного флота, необходимого для завершения успеха эскадры;

б) препятствовать проникновению противника в шхерные проходы между мысом Порккалауд и полуостровом Макилото.

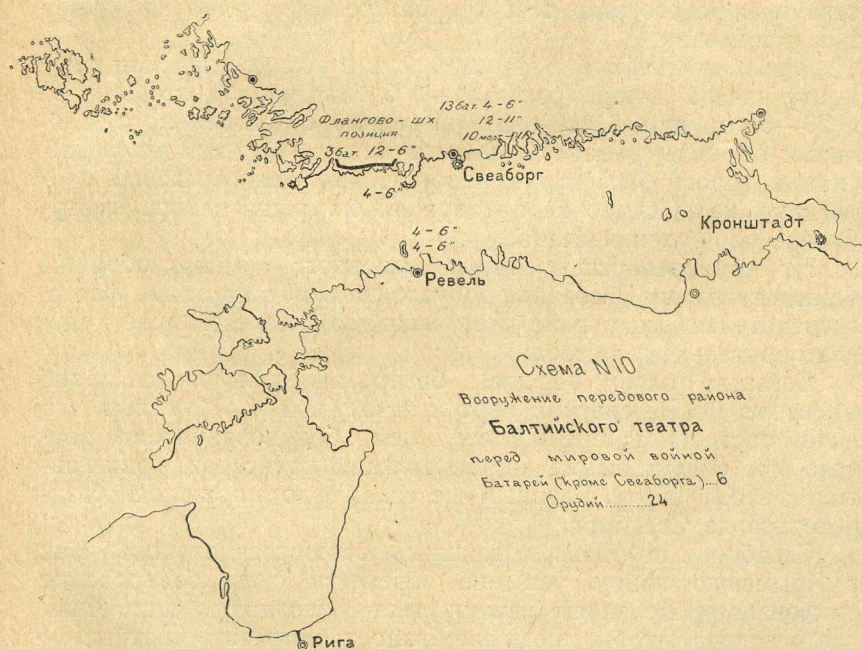
5) Оба участка, в своей совокупности, имеют назначением фланкировать промежуток между ними, при чем фронтальная оборона, а также контр-атаки, в случае охвата противником одного из участков, выполняются маневрирующей эскадрой.

6) Непосредственное обеспечение укреплений от захвата противником с моря и с суши возлагается на особо назначенные для сего части.

7) Широкое обеспечение базы флота с суши—лежит на обязанности полевой армии.

Сообразно этим заданиям и был составлен проект ревельской крепости, каковая, по своему вооружению и оборудованию, по окончании ее должна была быть одной из наиболее сильных приморских крепостей в мире.

Вместе с тем было намечено сооружение большого порта—базы в Ревеле, способного вместить и обслуживать флот в составе двух эскадр.

Эти проекты были начаты осуществлением в период 1912/13 г.г., окончание их предполагалось не ранее 1917 года. В 1914 году работы были только в начале. Фактически, к моменту начала войны все вооружение Ревеля состояло и немногих временного типа батарей, поставленных за земляными закрытиями, весьма небольшой боевой ценности, имеющих скорее значение охранных, нежели боевых батарей.

К июлю 1914 года в Ревеле и на северном фланге позиции было (см. схему № 10):

На о. Наргене 4—6" и 4—8";

на м. Стура Треске 4—6".

Совершенно очевидно, что это вооружение ни в коей мере не обеспечивало устойчивости флангов позиции.

Сухопутного же фронта не было, и фланги, в случае одновременного с флотом наступления армии противника, были открыты.

Основой обороны являлось минное поле, которое должно было быть поставлено в первый же день войны.

Непосредственно с главной позицией связывалась так наз. флангово-шхерная позиция, т.-е. укрепленные пункты к западу от Порккаллауда (см. схему № 10), опираясь на которые миноносцы могли бы атаковать противника, прорывающегося в залив.

К моменту начала войны здесь были установлены средствами морского ведомства три батареи 6" орудий на открытых установках.

Все оборудование фланговой и центральной позиции к моменту начала войны состояло из 6 батарей, в составе 4—8" и 20—6" орудий. Оно было ничтожно сравнительно с заданиями обороны района, и защита лежала целиком на флоте, силы которого были также недостаточны для отражения противника, коль скоро он предпринял бы решительное наступление на Финский залив.

Но если крепостная защита основного рубежа обороны Финского залива была не оборудована, то базирование флота, сосредоточенного к району ее, находилось в еще менее удовлетворительном состоянии.

Согласно плану обороны, базирование было назначено в Ревеле, но Ревельский порт к началу войны был только что начат постройкой; имевшегося в нем оборудования едва хватало для обслуживания одной бригады крейсеров, приписанной к этому порту. Главным же силам флота пришлось базироваться на Свеаборг.

Свеаборгу вторично готовилась ответственная роль. Как в Крымскую войну, решение перенести сюда базирование диктовалось желанием выдвинуться в западную часть Финского залива, чтобы иметь возможность встретить противника задолго перед приходом его к Кронштадту,—те же побуждения руководили переводом флота в этот район и накануне мировой войны. Но как тогда флоту пришлось встретиться с необорудованным портом, ветхостью и совершенной недостаточностью укреплений для защиты стоянки флота,—то же, в буквальном смысле, имело место и теперь.

Свеаборгская крепость, будучи усилена скоро после Крымской войны, с тех пор почти не усовершенствовалась, ее вооружение было уже архаическим, крепость не имела сухопутного фронта и могла быть, как и флот, стоящий на ее рейде, подвергнута бомбардированию с берега и со стороны моря.

Для морского министерства это не было неожиданностью. Оно задолго до войны возбуждало вопрос об усилении Свеаборга, но военно-сухопутное ведомство настаивало на упразднении этой крепости, ненужной с точки зрения сухопутных планов. Вопрос доходил до царя; в результате было приказано Свеаборг оставить, усилив 6" орудиями приморский фронт его. Но это усиление было ничтожным для тех задач, которые лежали на Свеаборге, как на главной маневренной базе флота.

Что касается портового оборудования Свеаборга, то в нем, подобно Артуру, не было ни одного дока для больших судов, которым приходилось для ремонта и исправления аварий в подводной части ходить в Кронштадт. Вход на Свеаборгский рейд был неудобен для больших судов и требовал расширения, что ставило в трудное положение линейные суда, в первое время войны обязанные стоять на дурно защищенном внешнем рейде, подвергаясь опасности атак миноносков и подводных лодок.

Судостроительные и ремонтные средства Свеаборга были ничтожны.

Таким образом, флот, сосредоточенный в передовом районе Финского залива, не был обеспечен оборудованием театра ни в отношении портовых средств, ни в отношении надлежащей защиты сооружениями береговой обороны.

На зимнее время он оказывался отрезанным покровом льда от Кронштадта, единственного порта в Балтийском море, имевшем сравнительно хорошее оборудование и береговую защиту.

Кронштадт был усилен в период подготовки перед мировой войной вынесением укреплений на мыс Ино и Красную Горку, образовавших передовой укрепленный район при входе в Невскую губу.

Что касается прочих крепостей, то Либава не была упразднена, но она подлежала уничтожению с началом военных действий.

Усть-Двинск в том виде, в каком он был перед войной, не имел решительно никакого боевого значения.¹

Выше указано соотношение сил русского и германского флота к началу кампании 1914 года.

План кампании Балтийского флота перед мировой войной.

Как состав сил, так и степень соответствия оборудования театра не были благоприятны для русской стороны. Наоборот, командование Балтийским флотом должно было считаться с крайне трудным положением, предопределявшим все преимущества неприятелю. Возможности Балтийского флота были чрезвычайно ограничены,

¹ Несколько более подробно о состоянии крепостей Балтийского моря см. М. Петров „Подготовка России к мировой войне на море“, гл. VIII.

а ресурсы не давали права ставить широких задач в плане кампании.

В книге нашей,¹ на которую мы постоянно ссылаемся, изложен план действий русского Балтийского флота. Поэтому, не возвращаясь к нему в подробностях, приведем лишь общую его идею.

1. Балтийскому флоту ставилось задачей, оказание возможного сопротивления проникновению противника в восточную часть Финского залива.

2. Практическое выполнение этой задачи сводилось к бою на заранее подготовленной позиции, используя для этой цели все имеемые средства позиционно-подводной обороны.

3. В зависимости от действительной обстановки и намерений противника, а также в случае успешного задержания его наступления в Финский залив—переход к активному плану действий.

План развертывания флота заключался в следующем:

1. Сосредоточение всех наличных сил к району позиции—Ревель—Гельсингфорс (Свеаборг)—Порккалауд.

2. Постановка, до начала боевых операций, центрального минного заграждения между Ревелем и Порккалаудом, которое являлось, так сказать, основным стержнем всей обороны.

3. Выдвижение дозорной крейсерской завесы в устье залива для предупреждения о подходе противника.

4. Вспомогательные операции по приведению театра в бое-способное состояние, организация службы траления и пр.

Задачи частям флота и состав последних по плану развертывания были:

План развертывания Балтийского флота для защиты входа в Финский залив. (Сх. № 9).

Общая задача: оказать возможное сопротивление противнику при попытке его прорваться в восточную часть Финского залива, дав ему решительный бой на главной позиции Ревель—Порккалауд.

З А Д А Ч И	С О С Т А В С И Л
а) Подготовительные и дополнительные операции. 1. Постановка центрального минного заграждения.	Отряд заградителей в составе заградителей: „Ладога“, „Онега“, „Нарова“, „Волга“, „Амур“, „Енисей“.

¹ М. Петров. „Подготовка России к мировой войне на море“.

З А Д А Ч И	С О С Т А В С И Л
2. Приведение в боевую готовность батарей центральной позиции, установка бонов на Ревельском рейде, организация охраны рейдов и гаваней Свеаборга и Ревеля, организация охранения минного заграждения. 3. Оборудование фланговой шхерной позиции (постановка заграждений и минирование фарватеров, приведение шхерных батарей в боевую готовность, прикрытие и охрана работ и пр.). 4. Приведение оперативного района в требуемое военным временем состояние (заграждение Моонзунда, снятие всех знаков и пр.). 5. Охрана центральной позиции. 6. Разведка и дозор в устье Финского залива. 7. Обеспечение подготовительных операций. 8. Общий резерв.	Специальные средства и вспомогательные части флота (суда дирекции лоций и маяков, портовые суда, резервные миноносцы и команды, средства батарей и пр.). 2-я минная дивизия в составе 3, 5, 6 и 7 дивизионов миноносцев (всего 31 миноносец). Отряд канонерских лодок в составе: „Храбрый“, „Бобр“, „Сиваш“, „Кореец“, „Гиляк“, „Грозящий“. Отряд заградителей (см. выше)—по выполнении главной задачи по постановке центрального заграждения. Вспомогательные суда. 1-й минной дивизии—полудивизион особ. назн., 1-й и 3-й дивизионы (последний потом переходит во 2 минную дивизию)—16 миноносцев. Суда дирекции лоций и маяков. Резервный отряд в составе: линейный кор. „Имп. Александр II“, учебн. судно „Петр Великий“, 4-й дивизион эск. миноносцев, транспорты и проч. вспомогательные средства. Бригада подводных лодок, 1 и 2 дивизиона (всего 11 лодок). 1-я бригада крейсеров в составе: „Громобой“, „Паллада“, „Адмирал Макаров“ и „Баян“. Бригада линейных кораблей: „Имп. Павел I“, „Андрей Первозванный“, „Слава“, „Цесаревич“. Брон. кр. „Рюрик“ (фл. ком. флотом) при нем эск. мин. „Новик“. Резервная (затем 2-я) бригада крейсеров („Россия“, „Богатырь“, „Олег“, „Аврора“). Партия траления мин. заграждений.

З А Д А Ч И	С О С Т А В С И Л
б) Главные операции. 1. Бой на центральной позиции. 2. Атака неприятеля от шхерной позиции. 4. Атака неприятеля при подходе с моря.	Бронеп. крейсер „Рюрик“. Бриг. линейных кораблей (4). Обе бриг. крейсеров (8). Резервный отряд. 1-я минная дивизия (20 мин. больших и 11 малых). 2-я минная дивизия (31 миноносец). Бригада подводных лодок (11). Всего 15 больших кораблей с орудиями: 12" и 10" . 20 8" 55 6" и 120-мм 190

Развертывание сухопутных войск для защиты Финского залива предусматривало сосредоточение VI армии в составе: XVIII и XXII армейских корпусов, гв. стр. бригады, 67, 74 и 84 пех. дивизий, 3 бриг. 1 гв. кавалерийской дивизии, казачьего дивизиона, гарнизонов крепостей; всего 128 бтл., 62 эск. и сот., 432 ор., 320 пул., 26 инженерных рот, 9 креп. арт. бат., 7 конных и 8 пеших сотен пограничной стражи.

Главные сухопутные силы—в районе Петербурга.

По плану войны, Балтийский флот был подчинен командующему VI армией.

Б. Общий очерк боевых действий на Балтийском море в кампанию 1914 г.

Скудость боевых средств русского флота и слабость оборудования защиты баз и важнейших пунктов исключали возможность прямой борьбы с германским флотом в открытом море за обладание последним. Оборона наиболее важного направления—на Финский залив и прямых подступов к Петербургу—являлась его единственной задачей в начале войны.

Такая формулировка основной задачи Балтийского флота не исключала, однако, нескольких вариантов возможных решений, в зависимости от действий противника и обстановки.

При наступлении в Финский залив главных сил германского флота, русскому—не оставалось другого выхода, как боем на центральной позиции попытаться остановить его, хотя, впрочем, лишь с небольшими шансами на успех, ввиду превосходства боевых средств на стороне неприятеля.

Но если бы такого наступления со стороны немцев не последовало или они медлили выполнением его, то перед русским Балтийским флотом являлась бы возможность перенести операции в открытое море, начав борьбу еще там, противодействуя противнику на открытой части Балтийского моря и расширив тем собственную оборонительную зону.

Здесь мы встречаемся с теми же двумя тенденциями, как и в ранее рассмотренных кампаниях: тенденцией пассивной местной обороны и тенденцией обороны активной.

Перед мировой войной общие предпосылки именно для пассивного решения задачи обороны на Балтийском море были особенно убедительны, уже по причине слабости сил и подавляющего превосходства в них на стороне противника.

Всякая активная операция Балтийского флота, сопряженная с опасностью каких-либо потерь, в еще большей степени ухудшала бы его положение в момент решительной встречи и, следовательно, могла рассматриваться—с точки зрения местной обороны важнейшего рубежа в Финском заливе—нежелательной авантюрой.

К этому еще надо присоединить традиционное опасение десанта на побережье Балтики, которое не сходит с очереди и признается вероятнейшим, начиная с Крымской войны. Его прежде всего учитывали планы кампании. Мысль о десанте считалась чем-то непреложным. Задача за противника всегда решалась только в таком смысле и других возможностей не искалось. Немецкий десант обратился в предвзятую идею.

Ни в одну из кампаний, о которых мы говорили выше, идея пассивной обороны не была так убедительно обоснована и так крепко разделяема высшими командными инстанциями, как накануне мировой войны на Балтийском море.

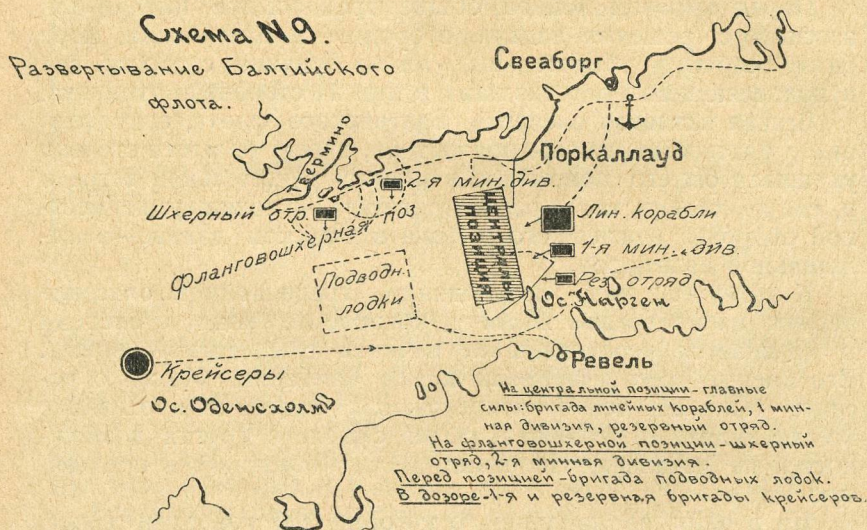
В действительности же, немцы решили сосредоточить все силы на северном театре, против главного врага—Англии, ограничившись на Балтийском море операциями второстепенного значения, демонстрациями и наблюдением. Они ожидали английского наступления с той же тревогой, как мы на Балтийском ожидали их наступления.

Действия германского наблюдательного отряда в Балтийском море должны были встретить для себя благоприятную обстановку, в виде предвзятой идеи десанта, о которой сказано выше. Всякие операции отряда, особенно в первые дни войны, оценивались русским главным командованием, прежде всего, как подготовка генерального наступления германского

флота на Финский залив, вызывая соответственные приготовления к бою на центральной позиции. Германские демонстрации уже потому достигали своей цели, что впечатление, ими производимое, совпадало с опасениями русского командования.

Однако, несмотря на гипноз германского наступления, несмотря на пассивные тенденции, исходившие из верхов главного командования, активная идея жила на нашем Балтийском флоте, прежде всего в лице командовавшего им адмирала Эссена.

Она не сходила с очереди в его предположениях, как до войны, так и с первых дней ее. Она получила новое содержание с того момента, когда возникло сомнение в реальности

германского наступления, когда действия германского наблюдательного отряда, носившие явно демонстративный характер, были расшифрованы командованием Балтийского флота, последнему стал ясен план развертывания германских сил.

Это выяснилось не сразу. В первые дни войны мы застаем Эссена столь же встревоженным за судьбу Финского залива, как и высшее командование.

Первый период кампании — июль — сентябрь 1914 г. Первый период войны на Балтийском море прошел под знаком ожидания наступательной операции немцев на Финский залив.

Развертывание флота в районе центральной позиции было выполнено по указанному выше плану, при чем наиболее ответственным моментом этих дней была постановка

центрального минного заграждения между Ревелем и Порккалаудом (см. схема № 9).

Предполагалось, что наступление немцев может последовать еще до начала объявления войны, постановка же заграждения поперек Финского залива, прекращавшего свободу мореплавания на оживленном торговом пути, сама по себе представляла мероприятие, сопряженное с крупными последствиями. Неопределенность положения до объявления войны, при общей растерянности, сопровождавшей дни 17—18—19 июля, вселяла неуверенность в решение этого важнейшего для обороны вопроса. Командующий флотом, Эссен несколько раз телеграфировал в Петербург с просьбой указаний: ставить заграждение или нет? Не получая разрешения, тревожась за обеспечение развертывания флота, он, в конце концов, послал телеграмму, с предупреждением, что если не получит определенного ответа о политическом положении, то утром 18 сам поставит минное заграждение. Положительный ответ пришел тогда, когда флот был готов сниматься с якоря для выполнения и прикрытия этой операции.

Через несколько часов заграждение было поставлено. В тот же день флот закончил свое развертывание. Дозорная завеса крейсеров была выставлена в море еще в ночь с 12 на 13 июля.

Директивы главнокомандующего VI армии Балтийскому флоту в первые дни войны сводились к следующему:

„всеми способами и средствами препятствовать производству высадки в Финском заливе;

„действовать по усмотрению, считая необходимым обеспечить своевременную постановку заграждения в Биорке...

„установить наблюдение за водным пространством Балтийского моря и Финского залива...

„содействовать поддержанию связи между войсками, действующими на побережье...

„оказывать сухопутным войскам содействие в прибрежной полосе“...

Либавский порт и крепость приказано приготовить к уничтожению, равно как и портовые сооружения в Ганге, в случае же наступления противника заградить и уничтожить эти оба порта.

Военные действия начались бомбардировкой Ливавы (20 июля) германскими крейсерами, которыми кроме того было поставлено минное заграждение перед входом в порт. Эта бомбардировка, ввиду уже принятого решения оставить Ливаву, никакого значения не имела, ускорив лишь приведение в исполнение приказа об уничтожении портовых средств.

У входа в Финский залив неприятель не показывался (первые донесения о появлении германских крейсеров в виду

о. Даго были получены от 30 июля). Этот факт свидетельствовал, что первые и наиболее благополучные моменты для его (ожидавшейся) операции к Финскому заливу упущены. Командование Балтийским флотом учло, что ему предоставляется время, каковым оно может воспользоваться в целях упрочения положения на театре.

Шведская операция. Политическая обстановка первых дней войны представлялась весьма неопределенной.

Англия еще не объявила войны. Невьясненным также считалось положение Швеции. Между тем, выступление последней на стороне Германии могло самым радикальным образом изменить стратегическую обстановку на Балтийском театре.

Неопределенность положения и отсутствие точной политической информации из Петербурга не могли удовлетворить Эссена. Отчаявшись в их получении, комментируя обстановку, как чрезвычайно угрожающую, он по собственной инициативе принял решение, которое могло привести к крупнейшим политическим и стратегическим последствиям.

Он решил предъявить находившемуся в районе Готланда Шведскому флоту ультимативное требование перейти в Карлскрону и не выходить оттуда на все время войны России с Германией, в противном случае угрожая ему уничтожением.¹

Послав донесение главнокомандующему VI армии, Эссен с эскадрой в полном составе вышел в море, чтобы там ожидать разрешения предъявить шведам ультиматум.

Конечно, Эссену немедленно были посланы отменительные радио. В Петрограде поднялась паника, там поняли, что неосторожно дали Эссену инициативу и что при его активном порыве он может наделать больших бед. Следствием этой

¹ Вот любопытный текст письма, которое адмирал Эссен предполагал вручить командующему шведским флотом: „Ваше превосходительство, хотя в настоящей войне между Россией и Германией, Шведское правительство и объявило нейтралитет и ничто, повидимому, не нарушает дружеских отношений между нашими государствами, я все же не могу не обратить ваше внимание на то, что в период, ближайший перед началом войны, на родине вашей был целый ряд манифестаций в пользу вооружений для борьбы с Россией. Учитывая это обстоятельство, а также принимая во внимание трудность своевременного получения точных известий об истинных намерениях Швеции и ее вооруженных сил, я обращаюсь к вам, милостивый государь, с предложением перевести весь Шведский флот в Карлскрону, с покорнейшей просьбой не выходить оттуда во все время продолжения войны России с Германией. Как военный человек, вы поймете мое распоряжение моим судам при встрече с каким бы то ни было военным судном в пределах Балтийского моря и его заливов, немедленно его уничтожать. Прошу считать, адмирал, это мое заявление дружественным актом, устраняющим печальную возможность возникновения случайных военных действий между нашими флотами и нациями. Примите, милостивый государь мои уверения в отличном уважении....“.

Архив Морискома, дело без №.

несостоявшейся операции была директива, ограничивающая его инициативу и уточняющая задачу флота: „Верховный главнокомандующий не допускает активных действий при настоящей политической обстановке. Главная задача флота—прикрыть столицу, что теперь достигается главным образом его положением в Финском заливе. Когда можно будет, верховный главнокомандующий даст указание, куда идти. Проект письма признан актом вызывающим и незаслуженным оскорблением шведов, лояльно относящихся теперь к России“.

С этих пор устанавливается опека со стороны командования VI армии и ставки над Эссеном.

Между тем, в этом походе, несомненно нецелесообразном с точки зрения политической конъюнктуры момента, виновато прежде всего само главное командование, недостаточно ориентировавшее Эссена, благодаря чему последний был вынужден сам оценивать обстановку и сам искать решений.

Флот вернулся в залив, имея ночью случайную встречу с неприятельским дозором.

В период 30 июля—8 августа немцы ограничивались демонстративными операциями. Их действия германских крейсеров. крейсера подходили к устью Финского залива, показываясь в разных местах, что, в целом, производило впечатление приготовлений к крупной операции, в чем еще более убеждали многочисленные, как из рога изобилия сыпавшиеся в штаб флота, агентурные донесения.

Все это вызывало с русской стороны лишь одно: приготовление к бою на позиции. Флот находился все время в напряженном ожидании. Командование VI армией, будучи панически настроено, в особенности было склонно во всем видеть опасные признаки готовящегося десанта.

Между тем, немцы сами опасались выступления русского флота, так как их главные силы находились в Северном море, а на Балтике остался лишь наблюдательный отряд.

С целью затруднить выход русского флота, ими 8 августа было поставлено минное заграждение в устье Финского залива.

На другой же день оно было обнаружено, так как взорвалось несколько нейтральных пароходов, отпущенных в море из русских портов.

Это заграждение не достигло цели, для которой предназначалось. Адмирал Эссен сделал выводы, как раз обратные тем, которые были желательны для немецких операторов. В своем донесении главнокомандующему (от 9 августа за № 15 к. о.) он указывал, что из факта заграждения немцами устья Финского залива вытекало отсутствие намерения про-

тивника самому входить в залив, просил разрешения перейти к активной деятельности и самим начать ставить мины заграждения у неприятельских берегов, полагая, что при создавшейся обстановке, главная задача флота от этого не могла пострадать. Однако, означенное предложение не встретило сочувствия в штабе VI армии и директивы флоту изменены не были.

Между тем, немецкие крейсеры, до сих пор не встречая прямого противодействия со стороны русских, которые их ни разу далеко не преследовали, становились все смелее. Они решили произвести разведку в средней части Финского залива, атаковать наши дозорные суда в Ревеле.

Эта операция, в самом начале ее была прервана крупной неудачей немцев, потерявших новый легкий крейсер „Магдебург“, выскочивший на камни у о-ва Оденсхольм (в Финском заливе). Крейсер немцы были принуждены оставить и взорвать.¹

19 августа русскими крейсерами был предпринят поиск в южную Балтику, с целью атаковать германские дозорные крейсеры. Поход этот не дал иных результатов, кроме произведенного ими большого впечатления на немцев, после этого несколько усиливших состав своего Балтийского отряда.

Все продолжающиеся демонстративные бомбардировки германскими крейсерами маяков и наблюдательных пунктов, появление на виду наших берегов и пр.—уже не достигали своей цели, так как их демонстративный характер был ясен русскому, по крайней мере морскому, командованию.

Теперь нужен был другой способ демонстраций. Таким способом немцы избрали демонстрацию десантов на Курляндское побережье.

Вскоре агентурная разведка и перехваченные радио сообщили, что готовится десантная операция в районе Курляндии.

Обеспокоенная этими сведениями ставка известила Эссена. Последний в своем ответе донес, что он считает „един-

¹ В числе трофеев, захваченных русскими на „Магдебурге“, были сигнальные книги, при помощи которых немцы производили шифровку радио. Это дало возможность организовать при разведывательном отделении службу дешифрования и заручиться источником разведки исключительной достоверности и быстроты, тем более что немцы, в течение всей кампании, отличались „радиоболтливостью“. Потом они несколько раз меняли шифры, но организованная служба дешифрования легко разбирала их. Эти книги в копии были переданы нами англичанам, которые также пользовались ими, согласуясь с нашей разведкой.

Другим важным трофеем была записная книжка одного кондуктора, ведшего повседневную запись. Из нее узнали точную картину операций германских крейсеров в Балтике, равно как и место поставленного ими в устье Финского залива заграждения.

ственным средством воспрепятствовать успеху такого предприятия—выход наличных сил флота Балтийского моря к месту высадки для решительного боя с неприятельским флотом, прикрывающим десант, и нападение на транспорты с войсками“. Вместе с тем он доносил, что „подобный выход флота возможен только при условии освобождения от поставленной флоту ранее задачи—охраны столицы с моря, так как при выполнении операции нападения на неприятельский десант могло случиться уничтожение всего нашего флота. Частичный же неуспех все же парализовал бы все предприятие немцев“. ¹

В ответ на это командующему Балтийским флотом было сообщено, что „задачей Балтийского флота остается охрана столицы со стороны моря. Необходимо сохранение флота для этой цели“. ²

В дальнейшем, директивы ставки становятся еще более категорическими.

„Согласно полученных от верховного главнокомандующего указаний, на случай десанта—совершенно необходимо не рисковать нашим флотом, чтобы им помешать производству десанта в глубине Финского залива“ (тел. нач. штаба VI армии 29 августа). В другом случае ставка телеграфирует приказание верховного главнокомандующего, чтобы флоту оставаться в Финском заливе, „даже если будет достоверно, что высадка началась“.

Таким образом, верховное командование продолжало оставаться на той точке зрения, что флот не должен выходить в море.

В общем, командование Балтийским флотом правильно оценивало обстановку, видя, что обычно перед ним лишь вспомогательные силы противника, что его операции не более как демонстрации, которые могут легко быть обращены в частичное его же поражение.

Последнее могло вызвать усиление немецкого Балтийского отряда за счет ослабления состава их главных сил на театре Северного моря, но вряд ли натолкнуло бы немцев на решительное наступление в Финский залив, ибо, в связи с положением на сухопутных фронтах, немцы уже не могли выделить крупную армию для десантной операции.

Таким образом, активные операции, даже сопряженные с потерями, по существу не осложнили бы положения Балтийского флота. Это сознавалось в кругах Балтийского командования, о чем можно заключить из представлений Эссена о необходимости изменения задач флоту.

24 августа в Балтийском море появился сильный отряд германских судов, в составе которого, помимо линейных ко-

¹ Дело № 7184.

² Радио Главкома VI армии, 23 августа.

раблей второй линии, был и кр. „Блюхер“, переведенный на время этой операции из Северного моря. Этот отряд так же ограничился демонстрациями. Но мотив последних был несколько другой. Немцы стремились, демонстрируя легкими силами у устья Финского залива, вызвать за собою погоню русских крейсеров и навести их в море на свои главные силы и там их уничтожить. Этот план не удался, так как присутствие „Блюхера“, ошибочно принятого наблюдательными постами за крейсер-дредноут „Мольтке“, остановило русских от неосторожных маневров в открытом море.

Главные силы русского флота в полном составе под командой Эссена вышли к устью Финского залива и заняли выжидательное положение. Но и этот выход флота возбудил беспокойство ставки, которая прислала свою обычную умеряющую телеграмму о недопустимости риска.

В период 10—13 сентября немцы предприняли демонстративную высадку на Виндаву, которая не вызвала со стороны русского командования ответных мер, кроме развертывания наших сил на случай, если бы противник распространил свои действия на зону Финского залива.

Однако, ввиду того, что Виндава уже определилась, как объект частных неприятельских демонстраций, в район Моонзунда была переведена 1-я минная дивизия.

В числе боевых эпизодов сентября 1914 года следует отметить выход „Рюрика“ (под флагом командующего флотом) с кр. „Паллада“ в крейсерство к неприятельским берегам.

У Эссена была мысль воспользоваться первым штормом в безлунную ночь, прорваться незамеченным из Финского залива и внезапно выйти к неприятельским берегам, чтобы атаковать неприятельские дозорные суда и пароходы с грузами для Германии. Выходя в штормовую погоду на „Рюрике“ из Ганге, Эссен решил привести свой план в исполнение и, захватив с собой дозорный крейсер „Палладу“, пошел в море. Дойдя до южной оконечности Готланда, отряд вернулся, так как погода столь засвежела, что „Палладе“ было трудно держаться, а стрельба фактически была невозможна.

Этот поход вызвал большую критику в ставке. Считалось недопустимым, чтобы командующий самолично участвовал во второстепенных операциях. В этом видели опасный уклон Эссена к риску.

Итоги первого периода деятельности Балтийского флота в на-
периода кампан- чале войны.
ний на Балтий- ском море.

История Балтийского флота за указанный период отмечена случаями, не могущими не вызвать глубокого порицания по адресу некоторых начальни-

ков. К их числу можно отнести крайне вялый и нерешительный образ действий начальника крейсерской бригады, часто даже не старавшегося выяснить раскрывающуюся перед ним обстановку, склонного впадать в переоценку сил противника, готового отступить перед каждым дымом на горизонте, хотя бы этот дым и принадлежал слабейшему противнику. Так—была допущена постановка немцами минного заграждения в устье Финского залива, так был неоднократно упущаем „Аугсбург“, смело приближавшийся к районам, охраняемым нашими крейсерами. Эссену пришлось сменить начальника 1-й бригады крейсеров, адмирала Коломийцева, назначить следствие над командиром, упустившим случай отрезать курс „Аугсбургу“ и принудить его к бою.

Во время аварии неприятельского крейсера „Магдебург“ Эссен имел случай убедиться в малодушии начальника дивизиона миноносцев (Вяткина), не рискнувшего идти в тумане в атаку, как того требовала обстановка и как ему было приказано.

Все это, в целом, убеждает нас, что опасение германского наступления, крайний пессимизм в окончательном исходе боевых операций на Балтийском море,—был присущ не только ставке, но и многим лицам среди командного состава Балтийского флота.

Вот почему так приходится ценить и дорожить теми порывами активности, которые исходили от командующего флотом. Его операции, не всегда имевшие за собой строгое стратегическое обоснование, ценны прежде всего тем, что они призывали к борьбе, давали общий фон и обоснование для развития дальнейших планов, авторство которых может быть и не принадлежало лично Эссену, но который, несомненно, являлся их вдохновителем.

Как только выяснилось, что немцы не предполагают начать решительных операций против Финского залива и ограничиваются лишь (может быть пока) демонстративными действиями, тотчас была оценена возможность расширения оперативной зоны Балтийского флота, путем занятия, контроля, а затем и оборудования районов, брошенных было планом войны на произвол судьбы, а именно: районов Моонзунда, Або-Аланда и устья Финского залива.

Значение Моонзунда стало совершенно иным с момента начала войны.

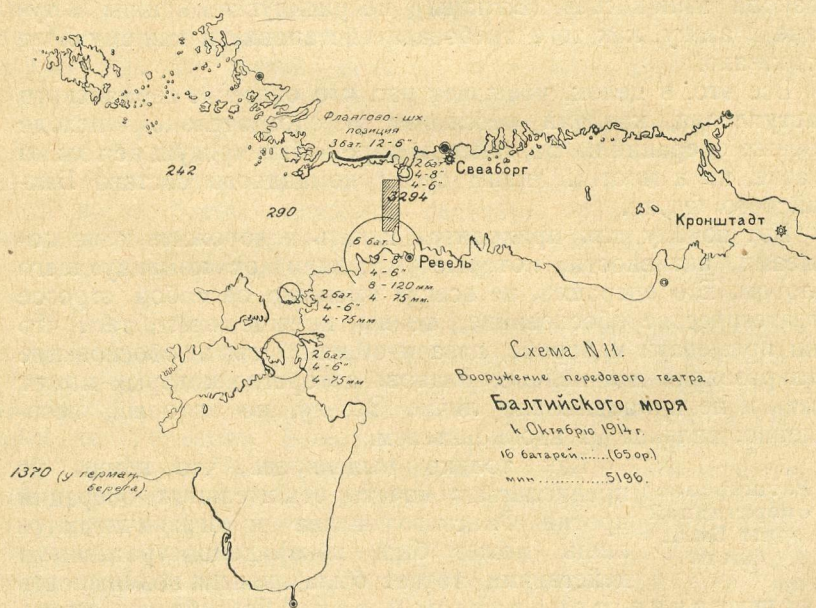
Операции противника у Виндавы, крейсерство в средней части Балтики, вызвали необходимость обратить внимание на оборону этого района. Туда было перенесено базирование первой минной дивизии. Действуя отсюда, она получала возможность поражать противника в море. Моонзунд явился фланговой позицией в новой обстановке.

**Расширение
оперативной
зоны Балт.
флота**

Наша армия еще дралась на пограничных рубежах. Вопрос о возможности отступления ее к району Риги пока не поднимался.

С другой стороны, в связи с затруднениями при плавании в устье Финского залива, уже загражденного неприятельскими минами, при наличии опасности от встреч с неприятельскими подводными лодками, возникал вопрос об обеспечении выходов судов Балтийского флота в открытое море через шхеры Або-Аландского района, имеющего ряд внутренних глубоководных фарватеров. Этот район приобретал значение передовой маневренной базы флота.

Когда выяснилось, что немцы не обнаруживают стремления к наступательным операциям, Або-Аланд, равно как и Моонзунд, были включены в операционную зону Балтийского флота.

Пока это еще не было решением вполне законченным, ибо не было уверенности в дальнейшем образе действий германского командования; еще слишком слабым было оборудование главной позиции Финского залива, еще довели тенденции исключительно местной обороны подступов к Петрограду. Но практически уже явилось возможным организовать здесь службу наблюдения, проложить новые фарватеры и наконец, пользоваться Або-Аландскими шхерами и Моонзундом для операций в море.

Оборудование центральной части Финского залива шло лихорадочным темпом, пользуясь каждой неделей, которую предоставляли немцы, откладывая или отказываясь вовсе от решительного наступления в этом направлении.

Таким образом, первые два месяца кампании характеризуются выходом общего плана действий Балтийского флота из тех рамок, которые были положены в основание его развертывания в первые дни войны.

18 сентября был командирован в Петроград **Новые планы командования Балтийским флотом.** к главнокомандующему VI армией и далее в ставку флаг-капитан штаба с разработанным новым планом, составленным на основе уже имевшегося опыта и новой обстановки,

сложившейся к тому времени на Балтийском море.

Адмирал Эссен писал:

„В предписании главнокомандующего VI армией командующему флотом Балтийского моря от 18 июля с. г. за № 1 предлагается руководствоваться высочайше одобренным 17 июня 1912 года планом операций морских сил Балтийского моря на случай Европейской войны.

„Этот план, разработанный штабом командующего морскими силами, имел в основании совершенно определенную политическую и стратегическую обстановку, в которой участие Англии на нашей стороне не предполагалось, почему германский флот имел возможность развить свои операции на Балтийском фронте в полной мере, чем исключалось всякое активное выступление нашего флота.

„Участие Англии в настоящей войне и почти двух-месячный период, в течение которого германский флот не принимал никаких активных операций против нашего флота, совершенно изменило стратегическую обстановку на театре Балтийского моря и дало нам возможность расширить оперативную зону нашего флота, выдвинув ее за пределы Финского залива, укрепив Моонзунд, развить операции в Рижском заливе.

„Вступление в строй в ближайшее время линейных кораблей „Севастополь“ и „Гангут“, а в дальнейшем „Полтавы“ и „Петропавловска“, настолько увеличивает наши силы, что я нахожу своевременным просить об изменении основного плана операций Балтийского флота следующим образом:

„Оставляя главной задачей Балтийского флота обеспечение безопасности столицы со стороны моря, разрешить выполнение операций—постановки минного заграждения на путях передвижения боевых сообщений Германии и Швеции, с истреблением коммерческих судов противника, уничтожение наблюдательных постов на его побережья и т. п.“.

„Выполнение упомянутых задач требует выхода в Балтийское море главных сил, или, по крайней мере, их части, для

обеспечения работ как наших крейсеров, так и заградителей, самостоятельные операции которых, не поддержанные линейными кораблями, ввиду отсутствия в нашем флоте быстроходных судов этого типа, получают слишком случайный характер. Но при разработке всех указанных операций мною принимается за основное требование—возможность отойти к Финскому заливу, не ввязываясь в решительный бой“.

„Бой с противником вне Финского залива я имею в виду лишь при ясном, несомненном успехе, в противном случае—флот отходит к подготовленным позициям“.

„...По мере приближения зимнего времени угроза столице со стороны Финского залива совершенно отпадает и от операционного направления в Финский—Рижский залив противник вынужден отказаться. Между тем, для наших сил создается благоприятная обстановка в смысле развития активных выступлений против берегов и сообщений противника в Балтийском море, что заставит его вести крайне тяжелую зимнюю кампанию и держать наготове свои силы в Балтийском море“.

Оценивая обстановку в прилагаемом плане, Эссен отмечает, что выступление Англии обязало Германию принять меры для обеспечения от прорыва английского флота в Балтийское море, что немцы уже опоздали предпринять решительные операции против Финского залива, ввиду приближения зимы и замерзания залива, что они дали возможность нам усилить фланги центральной позиции установкой 8" орудий, усилить морской фронт крепостей Свеаборга и Ревеля, дали возможность закрепиться в Або-Аландском районе и в Рижском заливе, что в общем положение Балтийского флота в рассматриваемый момент вполне благоприятно и последний может поставить себе иную задачу—такую, чтобы извлечь максимум пользы, а это достигается выбором новой операционной линии, которая может быть выражена так: „Балтийский флот, имея основной задачей обеспечение столицы со стороны моря, должен держать под наблюдением южную часть Балтийского моря до линии Данциг—Карлскрона“.

План указывал, что это в значительной степени обеспечит безопасность правого фланга нашей армии от десанта и создаст противнику большие заботы по охранению его морских путей сообщения.

Схема операции, которая предлагалась Балтийским флотом, заключалась в следующем: флот, имея надлежащую разведку, спускается в южную часть Балтийского моря, где отдельные его части выполняют постановку мин, истребление коммерческих судов противника, уничтожение наблюдательных пунктов и т. п., после чего флот отходит к Финскому заливу.

Эта операция требовала выхода главных сил.

Было разработано два варианта: первый—операции в большом масштабе с выходом всех наличных боевых сил Балтийского флота, включая и только что вошедший в строй новый линейный корабль „Севастополь“, второй—несколько меньшего масштаба, с оставлением в Финском заливе бригады линейных кораблей („Андрей Первозванный“, „Павел I“, „Слава“, „Цесаревич“) для охраны позиции, но все же с участием линейного корабля „Севастополь“.

Этот обширный план операций не встретил, однако, сочувствия в ставке, упорно стоявшей на точке зрения необходимости сохранения сил для защиты главной позиции в Финском заливе.

Главнокомандующий VI армией, препровождая этот проект в ставку, дал такой отзыв: он... „считает, что при существующей общей обстановке текущего момента активные действия флота Балтийского моря, вне пределов основной его задачи—обеспечение столицы с моря, являются пока преждевременными по следующим соображениям:

„1) активные действия флота в районе Балтийского моря, вне оперативной зоны, предусмотренной основным планом операций, сопряжены с решением вступить в бой при самых неблагоприятных условиях, так как Германский флот имеет возможность быстро сосредоточить значительно большие силы, не ослабляя свою укрепленную позицию Немецкого моря“.

„2) Возможность избежать боя при операциях активного характера, предлагаемых командующим Балтийским флотом, базируется на своевременном получении агентурных сведений о появлении в Балтийском море сильного неприятеля; это вряд ли можно считать обеспечением“.

„3) Цель предполагаемой операции не представляется достаточно важной, чтобы ради ее достижения направить главные силы флота, рискуя ослабить оборону Финского залива и столицы“.

„4) Допуская возможность выполнения этих операций в первый раз с минимальным риском, пользуясь внезапностью их для противника, считаю, что повторение их несомненно вызовет активные действия неприятеля, т.-е. бой с более сильным флотом“.

„Считая теперь несвоевременным расширение оперативных задач Балтийского флота, я нахожу в полной мере необходимым активное действие флота, лишь только обстановка на всем театре позволит, и, во всяком случае, выждав окончания постройки 4 линейных кораблей типа „Севастополь“.

Условиями благоприятной обстановки главнокомандующий VI армией считал: достижение решительного успеха английским флотом на Немецком море, успешное развитие наших операций на сухопутном фронте в „такой мере, что противник

не будет в состоянии произвести десантную операцию за отсутствием свободных войск“.

Таково было мнение главнокомандующего VI армией.

Мнение верховного главнокомандующего сформулировано в следующей его резолюции, сообщенной командованию флотом:

„Высочайше повелено действовать активно лишь по получении на то личного разрешения государя на допущение в бой дредноутов. Расширение зоны... и баз разрешено“.

Вот какое отношение встретил со стороны высшего управления проект о переходе флота к активным действиям!

Указание на недопустимость использования дредноутов иначе, как по повелению царя, составило знаменательную дату для всех последующих планов Балтийского флота. С этих пор устанавливается ограничение командования Балтийским флотом, вводится инстанция для получения права пользоваться теми силами, на которые так рассчитывал Эссен. Вместе с тем снимается главное условие, при котором активные операции последнего могут быть обеспечены и результаты их закреплены—дредноуты, введение в строй которых более чем утраивало силы Балтийского флота.

Потом этот вопрос прошел через разные стадии его решений. Временами командующему удавалось частично получать разрешение на ту или иную операцию, но спор о праве пользоваться дредноутами—проходит красной чертой через всю историю отношений Балтийского флота и ставки до 1916 года.

В данном случае—этим отношением и в особенности резолюцией верховного командования—подрывался ценнейший активный порыв, который не мог, конечно, повернуть ход кампании на Балтийском море, но мог и должен был привести к гораздо более существенным последствиям, нежели те, которые были достигнуты путем действительно рискованных, совершенно не обеспеченных, операций Балтийского флота, о которых будет ниже речь.

Мало того, в столь упорном настаивании на обороне Финского залива и только, в нежелании раздвинуть перспективы войны на Балтийском море сверх тех оборонительных задач, кои указывались первоначальными директивами флоту—можно видеть одну из причин тому, почему наше верховное командование не брало на себя инициативы побуждения английского командования к более решительному образу действий в направлении на Балтийское море, с целью установить непрерывное кольцо, удушающее Германию, и получить при поддержке могущественного флота англичан возможность действий против германского побережья с широкой поддержкой фланга нашей армии в приморской полосе.

Помимо этих соображений—велико было моральное значение директив, настойчиво возвращающих оперативную мысль Балтийского флота в сторону пассивной обороны. Пока жив был Эссен,¹ пока его горячий призыв к активности мог встречать поддержку не только в кругах близких к командованию, но и в общественном мнении всей страны,—он мог решиться на наступательные операции. Но когда его не стало, флот в общем потерял этот порыв. Позже и ставка протестовала, требовала активных действий, но командование флотом уже не находило у себя импульса для них.

Деятельность русских вызвала беспокойство германского командования, прежде всего, за безопасность морских торговых путей, по которым беспрерывно, рекой лилось из Швеции снабжение для Германии.

Появление германских подводных лодок в Балтийском море.

Германское командование решило предпринять против русских выходов в море средство, уже зарекомендовавшее себя на западном театре—выслать новые подводные лодки.

Одной из них удалось 27 сентября взорвать крейсер „Паллада“, возвращавшийся из дежурства в дозоре в устье Финского залива.

Это явилось новым обстоятельством, сковавшим действия Балтийского флота. Теперь самый выход в море стал явно опасным. Крейсерские дозоры пришлось убрать к рейдам, оставив в море лишь миноносцы.

Гибель „Паллады“ произвела сильное впечатление на флот и еще больше в ставке. Последняя получила новое подтверждение своих опасений.

Положение Балтийского флота было тем труднее, что в его составе не было ни одной подводной лодки современного типа. Из 11 имевшихся, лишь одна „Акула“ могла делать переходы к неприятельским берегам, прочие же были совершенно ненадежны в техническом смысле.

В первых числах октября Англия прислала две подводных лодки (третья не дошла).

Эта помощь была существенной. Но в какой мере она отвечала масштабу той возможной помощи, на которую была способна Англия, флот которой вдвое превосходил флот немцев, а стратегическое положение на море не оставляло никаких сомнений в его прочности!

Как видно из предыдущего изложения, ставка категорически высказалась против риска активных операций флота. В дальнейшем вопрос был уточнен, и под давлением настоячивых представлений Балтийского командования, а главным образом по его собственной инициативе оно

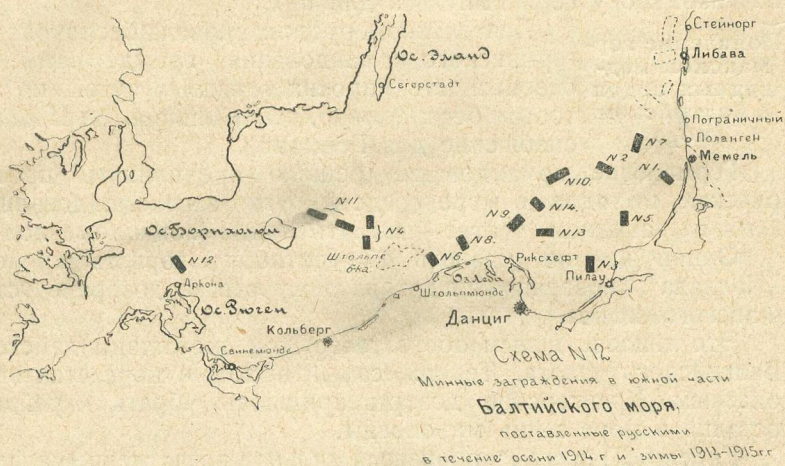
Период заградительных операций на Балтийском море.

¹ Умер 7 Мая 1915 г.

приступило к осуществлению плана постановки минных заграждений.

Но это не была та крупная операция, о которой командование ходатайствовало. Это были сначала малого, потом все более увеличивающегося масштаба операции, которые, в целом, к концу периода темных ночей, дали обширную схему заграждений южной части моря у германских берегов.

Вот перечень этих операций (см. схему № 12).

18 октября отряд миноносцев (4 миноносца П. О. Н. и „Новик“) поставил заграждение в районе Мемеля, избежав встречи с неприятельским судном, в тот момент находившимся в море.

23 октября—те же миноносцы поставили заграждение западнее первого, выполнив постановку ночью в сильный шторм.

„Новик“ обставил ими банку у входа в Пиллау.

6 ноября—заградитель „Амур“, под прикрытием отряда крейсеров, поставил заграждение в районе банки Штольпе.

7 ноября—полудивизион миноносцев поставил заграждение к северу от Брюстерорта.

11 ноября „Новик“ поставил заграждение у Штольпе-банка, между поставленным ранее „Амуром“ и берегом.

13 ноября 1-й дивизион миноносцев поставил заграждение к северу от Мемеля.

Потом некоторая передышка ввиду наступления светлых лунных ночей, затруднявших выполнение постановки скрытно от противника.

1 декабря заградительные операции возобновились. В этот день вышел для постановки отряд, в составе: заградителя „Енисей“, бр. кр. „Рюрик“, „Баян“, „Адмирал Макаров“—все с минами и при них—для несения дозорной службы „Олег“ и „Богатырь“, которыми было поставлено заграждение (две банки к северу от Риксхевта и одна банка к западу от Мемеля). В это время в море был неприятельский отряд крейсеров, но встречи не произошло.

31 декабря 1914 года с минами вышли „Россия“, „Богатырь“, „Олег“—под прикрытием отряда крейсеров в составе: „Рюрик“, „Баян“, „Макаров“, при чем ими были поставлены мины—„Россией“ на меридиане Аркона, т.е. уже непосредственно на пути сообщения между базами западной части Балтийского моря (Киль) и восточными портами; другими судами—к сев. вост. от о-ва Борнхольма.

Наконец, 11 февраля 1915 года было поставлено заграждение к сев. от Риксхевта (на обратном пути едва не погиб „Рюрик“, коснувшийся мели у Готланда и получивший при этом сильное повреждение).

Заградительные походы составили главное содержание второй половины кампании 1914 года на Балтийском море. Они выполнялись скрытно от противника, пользуясь темными ночами, дурными погодками. Несколько раз наши отряды были в море одновременно с отрядами германских судов, иногда даже в крупных соединениях, но боевой встречи между ними не произошло. Это было к счастью для русского флота, так как операции производились при поддержке лишь крейсеров, но не линейных кораблей, на коих до конца 1914 года лежал запрет от главного командования.

Германское командование не было пассивным. Оно периодически предпринимало операции в Балтийском море, их крейсера отважно появлялись в районах непосредственно вблизи расположения русского флота, но все их операции имели лишь демонстративное значение, не были систематичны и потому не приводили к цели.

Германцы пытались демонстрациями высадки привлечь внимание русского командования к Виндаве, произвели налет на Ботнический залив, на подходах к Аланду и Финскому заливу поставили мины, но, в общем и целом, это не отразилось на свободе действий русского флота и не сократило его порыва для выполнения основного плана—заграждений германского побережья.

Сопоставляя действия русских крейсеров и германского Балтийского отряда нельзя не видеть, что в то время, как немцы оставались на том же образе действий, русские планомерно и систематически выполняли свой план заминирования неприятельских берегов и в конце кампании, несомненно, вырвали инициативу из рук врага.

В результате многочисленных заградительных операций, русскими был установлен ряд заграждений на важнейших направлениях в южной части Балтийского моря (см. схему 12). Германские суда начали взрываться на минах—в числе погибших был бр. кр. „Фридрих Карл“, несколько миноносцев и пароходов. Были подорваны легкие крейсера „Аугсбург“ и „Газелле“.

„Дальнейшие несчастные случаи на минах—пишет германский историк („Война на Балтийском море“, т. I)—заставили начальника (немецкого Балтийского) отряда отложить всякие наступательные действия“.

Иначе говоря, германский флот должен был отказаться от операций в Балтийском море.

Вот результат кампании 1914 года на Балтийском море! Вот решение проблемы обороны берегов Финского залива в неприятельских водах, о чем так настойчиво Эссен представлял ставке в течение всего времени своего командования!

В перспективе широкого обзора отходят на второе место отдельные боевые действия, выполнявшиеся сторонами. На первое—выступает борьба за достижение цели кампании, борьба планов сторон. Эту борьбу наглядно можно видеть в общем ходе кампании 1914 года: в начале—инициатива принадлежала всецело немцам, в середине кампании русские начинают оспаривать ее, к концу же, по осуществлении плана заграждений, они принудили противника к отказу от инициативы наступления.

Это был несомненный успех Балтийского флота.

В течение кампании 1914 года на Балтийском море мы имеем случай наблюдать борьбу тенденций активной и пассивной обороны, сначала не слишком заостренную, а потом принимавшую все более и более острые формы, до конфликтов включительно.

Ставка и командование VI армией, которому флот был подчинен с первого дня кампании, пребывали под опасением германского наступления на Финский залив и систематически гасили активные попытки Балтийского флота. Эссен же, пользуясь своим авторитетом и беря на себя величайшую ответственность, стал в оппозицию такому ходу оперативной мысли, настойчиво насаждая противоположные устремления в операции флота. Он противопоставил себя общему стратегическому руководству и с поразительной энергией искал случая перейти к активным операциям, вывести оборону из узких рамок, которые были поставлены планом кампании и директивами флоту.

1914 год является, в этом отношении, годом борьбы не только на фронте с противником, но борьбы внутренней, на почве расхождения у нас основных взглядов на способы использования Балтийского флота.

В 1915 году Эссен умер. Вместе с ним отошел тот бес-
покойный дух, который жаждал возможности бороться с инициативой врага, который не довольствовался пассивным положением флота. Эссен умер как раз тогда, когда силы Балтийского флота получили значительное подкрепление в виде ряда вновь выстроенных судов, и для него открывались более широкие оперативные возможности. Но вождя, способного заменить Эссена, не было. Активная идея погасла вместе с ним, хотя его преемники и пытались подражать ему.

Вот почему кампания 1914 года представляет собой отдельный период в истории Балтийского флота, когда последний, будучи исключительно слаб, каким он не был потом, имел наиболее крупный стратегический успех.